

XIV „

. 19*

1

XIV „

(. 57).

IX—XI „

VII—IX

VII—X

« »

XVII—XVIII „

XVIII—XIX „

X—XI „

XIX—XX

(. 71),

. 37,

X—XI

(. 3 . 72).

ми пресмыкающихся и каких-то других животных. Расположение фигур бегущих животных не дает никаких оснований делать подобный вывод. Неверно сопоставление рисунка на данном демдоре с изображениями всадников, сидящих боком на конях, встречаемых в археологических материалах V—X вв. и в более ранних культурах на территории Прикамья. Этот мотив ничего общего не имеет с опубликованным демдором.

Глава «Костюмные комплексы в женской одежде» наиболее интересна для решения вопроса этногенеза удмуртов. Здесь определены северный и южный локальные комплексы. Первый имеет ряд своеобразных черт, свойственных только северному удмуртскому костюму, и элементы, сближающие его с одеждой луговых мари, мордвы-ерзи, некоторых групп чувашей, а также южных коми. Второй комплекс, распространенный в южных районах Удмуртской АССР, сохраняет, как убедительно показал автор, древние культурные элементы, восходящие к эпохе ананьинской культуры I тысячелетия до н. э., когда местные племена находились под влиянием скифо-сарматской культуры, и более поздние — татарские, бытование которых объясняется территориальной близостью удмуртов и татар. Определены и два других комплекса, представляющие варианты первых двух.

Отметил автор и элементы одежды, характеризующие принадлежность к различным возрастным группам. Достаточно полно отмечены в книге черты костюма, общие с одеждой мордвы, мари, чувашей, бесермян и даже татар. Это объясняется, по мнению автора, общностью происхождения, культурной близостью, одинаковым уровнем хозяйственного развития, одинаковыми природными условиями. Все эти народы были жителями лесной полосы, у всех у них земледелие вначале было подсечное, они возделывали примерно одни и те же культуры, а дополнительными занятиями для них служили лесные промыслы и разведение домашних животных (стр. 85).

В данном случае следовало бы отметить, что эти общие черты появляются с первых веков н. э. на значительной территории Среднего Поволжья и Прикамья, в то время, когда на этой территории складывается союз племен. Именно тогда возникло много общих черт среди украшений различных племен, населявших области от нижней Оки до средней Камы. Сходство форм земледельческих орудий, повидому, объясняется общими природными, в частности почвенными условиями. Но едва ли этот фактор может объяснить сходство орнаментальных мотивов и форм отдельных частей костюма. Скорее всего, в этом отношении сыграло большую роль политическое объединение, каким был союз племен первых веков н. э.

Касаясь культурных связей с другими народами, автор правильно определил культурное влияние скифо-сарматского мира, но, к сожалению, не остановился на влиянии аланских племен, которые в эпоху Хазарского каганата захватили в сферу своего влияния все Среднее Поволжье и Приуралье. Автор отмечает, что в развитии женского удмуртского костюма особенно большую роль сыграла русская культура, русский народный костюм. Однако, не мешало бы проследить это влияние не с конца XVI в., а указать и древнюю Вятку, основанную новгородцами, о чем говорит «Вятский летописец», дошедший до нас в ряде поздних списков XVIII—XIX вв. В этом документе описан поход новгородцев по Каме, Чепце и Вятке через земли удмуртов.

Интересен анализ и мужской одежды, данный в следующей главе. Детальный анализ большого материала позволил автору выделить два комплекса: северный и южный, соответствующие двум женским группам.

Интересно, что в северном костюме сохранились элементы, связанные с северной, лесной, охотничьей культурой, а в южном элементы скотоводческие — стеленные. Автор особо подчеркнул, какую большую роль в развитии мужской одежды удмуртов сыграло многовековое общение с русским народом и его культурой. Хотелось бы отметить, что конусообразные шляпы, распространенные среди удмуртов Башкирской, Марийской и Татарской АССР, напоминающие головные уборы казанских татар, должны быть сопоставлены с коническим головным убором воина, изображенного на могильной плите из Ананьинского могильника.

Вполне обоснованно автор выделил в особую главу одежду бесермян, живущих в пределах Удмуртской АССР. Вопросу о происхождении бесермян посвящено немало исследований. Одни исследователи считали бесермян потомками булгар, попавших в среду финского населения, другие — отатарившимися удмуртами, третьи — остатками угров, которые населяли некогда Приуралье, а затем ушли в Венгрию, где есть маленький мадьярский городок Бессермен. Высказывалась мысль о близости слова бессермен с биармией и многое другое. Тщательный анализ позволил автору убедительно выделить комплексы мужской одежды, один древнейший, второй близкий костюму удмуртов и третий, получивший распространение только в последнее время. Особенно интересен анализ женской одежды бесермянок, в которой вскрыт ряд наслоений. Положение, к которому приходит автор, выделяя общие с костюмом удмурток более древние дотатарские элементы, уходящие своими корнями еще в болгарскую эпоху, весьма убедительно.

В данной работе получила блестящее подтверждение точка зрения, высказанная в свое время И. Н. Смирновым в статье «Бесермяне Вятской губернии». Близость бесермянских головных уборов, покроя одежды и вышивки к чувашским позволила автору придти к хорошо обоснованному выводу о том, что бесермяне — потомки древнего населения, по всей вероятности, булгарского, жившего в бассейне Чепцы, где

они подвергались культурному воздействию удмуртов и татар, восприняли удмуртский язык, некоторые элементы удмуртской и татарской культуры, сохранив в одежде следы своего болгарского происхождения.

Последняя глава книги «Тканый и вышитый орнамент» дает ясное и четкое представление как о самом орнаменте, так и о технике его изготовления. В этой главе подробно изложены технические приемы орнаментации и узоры, характерные для северной и южной группы удмуртов, а также для бессермян. Автор подробно остановился на геометрическом орнаменте, в частности веревочном, известном на этой территории с I тысячелетия до н. э., и более древнем — зубчатом и точечном. Необходимо, однако, заметить, что важнее было бы определить не столько самые элементы орнамента, распространенные весьма широко, сколько узоры, состоящие из него. Тогда бы автору достаточно было указать на сходство удмуртского узора с ананьинским и более поздним, что отмечено им, в частности, на стр. 122, и не понадобилось бы привлекать орнаментацию народов Ассирии-Вавилонии, Греции и Византии.

Большую ценность для выявления этногенеза представляют стилизованные изображения животных. Автор прав, сопоставляя их с археологическим материалом X—XII вв. Следует согласиться, что трактовка коня в орнаментике удмуртов отражает связи со скифо-сарматским миром.

Выводы, к которым приходит автор, не могут вызвать возражений. Наиболее древними, бесспорно, являются геометрический орнамент и изображения животных. Растительные узоры связаны с влиянием татар, а вернее, болгар XIII—XIV вв.

Тщательный анализ различных элементов одежды, ее орнаментации и технических приемов изготовления позволил автору прийти к определенным выводам по этногенезу удмуртов, изложенным в заключительной главе книги.

Убедительно выделяется северный комплекс, связанный с культурой древнего аборигенного населения рек Чепцы и Вятки. Хорошо обрисован второй — южный, комплекс сложившийся на стыке лесной и степной зон, где сильнее ощущалось влияние степных скотоводческих культур. Следует поставить в упрек В. Н. Белицер, что вслед за А. В. Збруевой она объединяет Прикамье эпохи бронзы со Средней Азией, степными районами Западной Сибири, Северным Кавказом, Средним и Нижним Поволжьем в одну область древних степных культур (стр. 130). Едва ли можно говорить о том, что влияние бронзовых культур Средней Азии, Северного Кавказа, Западной Сибири было настолько сильно, что сказалось на сложении костюма или его орнаментации. Пожалуй, ощутимы только элементы, заимствованные от скифских и сарматских племен и попавшие по наследству от ананьинской культуры. При характеристике удмуртской одежды нельзя пройти мимо большого воздействия болгар и позднее казанских татар.

Подводя итоги своему исследованию по этногенезу удмуртов, автор кратко отметил другие источники, позволяющие проследить процесс этногенеза, археологические данные, различные категории этнографических данных и пришел к хорошо обоснованным выводам о наличии двух комплексов одежды, соответствующих двум диалектам удмуртского языка. Эти два костюма в основном совпадают с территориальными границами племен вятка и келмес. Народная одежда несет в себе, помимо местных, другие черты, связанные с элементами, заимствованными у соседних народов, и отражает длительный исторический путь.

Исследование В. Н. Белицер значительно продвигает вперед изучение этногенеза удмуртского народа и по существу впервые дает историческую интерпретацию удмуртской народной одежды. К этой книге будут обращаться все занимающиеся изучением вопроса этногенеза народов Поволжья и Приуралья.

Книга хорошо иллюстрирована. Особо следует отметить высокое качество цветных иллюстраций, выполненных по рисункам художников Е. П. Пятницкой и Н. А. Юсова.

А. П. Смирнов

Г. С. Маслова, *Народный орнамент верхневолжских карел*, Академия Наук СССР, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XI, М.—Л., 1951.

Книгу Г. С. Масловой «Народный орнамент верхневолжских карел» можно считать первой научной работой по орнаменту народов Советского Союза.

Орнаментом русского народа и многих других народностей СССР интересовались и у нас, и за рубежом. Одни проявляли любительский подход, пользуясь небольшим конкретным материалом, они интересовались лишь элементами орнамента, любовались его красками. Другие (например, Геккель, Сирелиус) при обработке этнографических материалов создавали порочные реакционные концепции с националистическими тенденциями, пытались строить эволюционные ряды. Г. С. Маслова противопоставляет метод своих исследований методу буржуазных ученых, касавшихся народного орнамента. Она утверждает: «Развитие искусства определялось конкретно-исторической средой, мотивы орнамента — реальные образы, отражающие действительность».

В основу рецензируемого исследования положен материал, собранный Г. С. Мас-